

Что и зачем нужно читать дошкольникам

Литература без читателей

Литература для дошкольников — явление парадоксальное. Во-первых, у нее нет читателей, есть только слушатели. Состав их каждые 5—6 лет почти полностью обновляется.

Во-вторых, у нее нет собственных писателей, занятых исключительно книжками для дошкольников. Лучшие произведения этой литературы созданы энтузиастами, которые приходят к малышам, оторвавшись от других своих дел. Что мешает нашим большим поэтам Маршаку, Чуковскому, Михалкову, Барто из года в год писать только для малышей? Мешает талант, ищущий проявления не в одной, а в самых разных областях. Мешает, может быть, исключительное сопротивление материала. Наши лучшие детские писатели говорят с самыми маленькими книголюбями лишь тогда, когда они к этому внутренне расположены.

Малыш не читает книжку, а смотрит картинки и вспоминает, что ему прочли. Все это сближает дошкольную литературу с устным народным творчеством, с фольклором.

Есть в литературе для дошкольников и одна постоянная величина, которая и делает ее литературой, то есть печатным словом. Эта постоянная величина — издатели, редакторы. Они тоже несут народную функцию, без которой нет фольклора, функцию отбора. Правда, у народа было больше времени для отбора, а про издателя иногда можно сказать словами Пушкина: «Он — человек, им властвует мгновенье».

Как же делать такую литературу? Нет «героев-спутников», нет политической темы, почти ничего не написано на космическую тему. С кого спрашивать? Вроде и не с кого. На вид задача конкретная: написать для детей о том-то и о том-то. А на самом деле она общая. Конкретная же задача заключается вот в чем: нужно настойчиво создавать и поддерживать такую атмосферу, чтобы в ней как бы сами собой возникали самые разнообразные произведения, создавать магнитное поле, притягивающее таланты, вербовать новых добровольцев-энтузиастов из числа молодых авторов, из числа «взрослых» писателей, ученых, инженеров, бывалых людей, способных разговаривать с малышами. О том, как создается такая атмосфера, прекрасно сказано в книге Л. Чуковской «В лаборатории редактора», глава «Маршак-редактор».

Опирается на ребенка

И еще одна удивительная сторона специфики дошкольной литературы. Многие из тех прекрасных качеств, которые мы хотим воспитать в малышах, свойственны им в высочайшей степени.

Любовь к труду, труд как естественная потребность человека, активная и разносторонняя деятельность — как все это проявляется в играх маленьких детей!

Уважение к людям труда, интерес к труду. Все мы видели, как дети обступают мастеров, настоящих умельцев, как жадно наблюдают они за работой людей и машин.

Сила и чистота высоких чувств, острое ощущение справедливости и несправедливости, ненависть к злу, любовь к добру, яркость и непосредственность видения мира, фантазия, творческий дух, пытливость, удивительное чувство языка, безукоризненный художественный вкус, любовь к природе — все это мы помним по своему детству, все это мы видим в детях.

Внешний мир малыша, его кругозор, казалось бы, очень узок, ограничен. Но в этом внешнем мире есть солнце, времена дня и времена года, стихии природы, луна, звезды, лес и поле, улица и дом, машины и игрушки, взрослые и дети, деревья и животные...

А этого не так уж мало для большой литературы. Ведь все явления внешнего мира на какое-то время становятся образами внутреннего мира малышей.

И если говорить о нашей главной задаче — о воспитании, то тут нам нужно опираться на внутренний мир ребенка, выражать его, укреплять и развивать великолепные качества, в которых проявляется сущность самой природы человека.

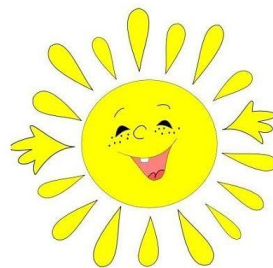
Я не идеализирую ребенка. Малышу, например, почти не свойственно чувство ответственности, часто он не сознает последствия своих поступков. Из его естественной зависимости от взрослых легко возникает своеволие или, наоборот, безвольное послушание. Его легко испортить неправильным воспитанием, слишком большой или слишком малой опекой. Ребенок постепенно и с большим трудом овладевает самыми элементарными житейскими навыками.

В чем разница между малышами и взрослыми? То, для чего ребенку нужны волевые усилия (овладение элементарными навыками поведения, самообслуживание), взрослые, как правило, делают без усилий, по привычке. И, наоборот, то, что требует от взрослых усилий, собранности, воли, у ребенка происходит стихийно, без усилий.

Для того чтобы быть благородным, сильным, вдохновенным, взрослому нужны каждодневные усилия, нужна большая воля.

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой.

У нас вдохновение начинается с работы и в ней рождается. У ребенка творческое вдохновение возникает произвольно, благородные, поэтические чувства вспыхивают легко и непосредственно.

Солнце и солнышко

У Льва Толстого есть небольшой рассказ «Сила детства». В нем маленький ребенок, сам того не подозревая, производит переворот в умах людей и останавливает казнь. Лев Толстой пронес силу детства через всю жизнь — от игры в муравейных братьев и «зеленую палочку» до могилы в Ясной Поляне, на месте, где была зарыта «зеленая палочка». Первое его произведение так и называлось —

«Детство». Да и «Война и мир», как признавался писатель, во многом основывается на яркости и свежести детских впечатлений.

Горький пронес силу детства, силу убеждений, возникших в самые ранние годы, сквозь все испытания жизни. Сила детства — глубинная первооснова самых великих, самых человеческих произведений искусства. И не только искусства, но и многих замечательных дел, открытий, изобретений, подвигов.

И если мы односторонне, без учета мощи и своеобразия внутреннего мира ребенка, без огромного уважения и внимания к силе детства, которая станет нравственным ядром дел, поступков, убеждений, характеров людей будущего, начнем воспитывать в ребенке одни лишь полезные навыки, то мы очень многое потеряем.

Надо писать «на вырост», но не так, как шьют костюмы: пока такой костюм еще новый, он висит на ребенке мешком, а когда ребенок дорастает до него, костюм уже ни на что не годится — его хочется сбросить.

Я не вижу ничего сверхъестественного в богатстве внутреннего мира ребенка. Тарзан — миф, Маугли — прекрасная сказка. Известные науке «маугли» и «тарзаны», лишенные общества людей в первые годы жизни, навсегда остались идиотами.

И здесь нужно сказать о роли языка. В книге «От двух до пяти», книге, которая по научной точности, богатству материала, литературному блеску и силе воздействия на читателей не имеет себе равных во всей мировой литературе по этому предмету, К.И. Чуковский говорит, как формирует душу ребенка язык народа, его познавательный и нравственный опыт, отложившийся в слове, в связях между словами, в приставках и суффиксах, в метафорах, которые для нас, взрослых, стерлись от слишком частого употребления.

Ребенок — неутомимый исследователь языка, он остро и свежо ощущает слово и вместе с ним, говоря словами Маршака, искры чувства, мерцающие в столбцах словаря. Скажите малышу, занятому своими игрушками: «Солнце!» — и он поднимает голову к небу, скажите «Солнышко» — и он улыбнется. И нам нужно так ставить слово «солнце» в стихотворной строчке, в прозаической фразе, чтобы оно и светило, и грело, и при этом было добрым, человеческим существом. Так мы выразим ребенка, дадим ему здоровую духовную пищу и поможем закрепить детское чувство, без которого человек, превосходно знающий, что такое Солнечная система, солнечная радиация, солнечные пятна, фотосинтез, термоядерные процессы на Солнце, будет нравственно беден, черств и сух.

Пускай это бурное море огня
Зовут лучезарным светилом,
Как в детстве, оно для тебя и меня
Останется солнышком милым.

И меньше не станет оно оттого,
Что где-то на дальней планете
Не солнцем порой называют его,
А солнышком взрослые дети.

(С.Маршак)

Выросший вместе с человеком детский взгляд на мир стал благородной частицей отнюдь не «дошкольного» чувства.

Многозначность

Произведения фольклора, многие из которых целыми жанрами ушли от взрослых к детям, многозначны, они вызывают разнообразные ассоциации. Например:

Один говорит: «Светай, боже!».

Другой: «Не дай, боже!».

Третий: «Мне все равно.

Что день, что ночь».

Три отношения к свету, три совершенно определенных характера, три живых индивидуальных реплики, ни одного лишнего слова. Попробуем подойти к этой вещи с привычными для нас мерками. Познавательна ли это? Несомненно. Воспитательно? Безусловно. Забавно? Разумеется, забавно. Способствует эстетическому воспитанию? Конечно! Какой безукоризненный вкус, какое благородство формы! Что же это за вещь? Народная загадка про окна, дверь и потолок.

А вот еще:

Весь мир обшивает,

Сама голая ходит.

Две строчки, а какое богатство ассоциаций, какой, говоря по-ученому, подтекст! Но так как это загадка, то в тексте присутствует какое-то милое, бескорыстное, трудолюбивое существо, вызывающее к себе уважение и сочувствие, а в «подтексте» оказывается реальный предмет, о котором идет речь, — игла!

Таковы возможности истинно народного языка, выражающего в забавной игре метафор философию людей труда.

Писатели, умеющие разговаривать с малышами, учитывают эти возможности и щедро ими пользуются:

Зайку бросила хозяйка.

Под дождем остался зайка.

Со скамейки слезть не мог,

Весь до ниточки промок.

Это четверостишие Барто вошло в детский фольклор. Кажется, что стихи — естественная форма человеческой речи, настолько преодолено сопротивление материала. Стихотворение многозначно. Звонкий ритм считалочки — и вдруг жалостливая интонация: «до ни-и-и-точки». И как свежо звучит привычная метафора «до ниточки» в применении к матерчатому зайке. Простенькая сценка из детской жизни хороша и сама по себе. Но как ее обогащают переливы чувства: брошенная игрушка вдруг оживает, становится существом, которого надо немедленно спасти, согреть. Чисто звучит детский голос, чувствуется характер ребенка. Поставим привычный вопрос: «Чему учит эта вещь?» Беречь игрушки? Есть в ней и это, есть и желание позабавить ребенка, но, кроме того, она «сделана на вырост», — чувство, вложенное в нее, ассоциации, которые она неизбежно вызывает, способны расти вместе с человеком.

А вот четверостишие Б.Заходера:

— Что ж ты, еж, такой колючий?

— Это я на всякий случай.

Знаешь, кто мои соседи?

Лисы, волки да медведи!

Мысль не новая. Откуда же радость, ощущение открытия? Точность смысла, естественность языка, совершенство формы делают это стихотворение многозначным, а его воздействие на ребенка всесторонним. Оно удивляет, развлекает, заставляет задуматься, запоминается, воспитывает ум, здравый смысл, чувство юмора и вкус.

Я привел эти четверостишия, чтобы показать, как великолепно оправдывается стремление к ювелирной точности мысли, чувств и языка в работе над каждым, даже самым маленьким произведением, написанным для малышей.

Лучшие произведения для дошкольников создаются из того же сплава, из которого народ отлил свои пословицы, поговорки, загадки и сказки. Один из компонентов такого сплава может преобладать, давая произведению свою окраску, но и остальные в разных пропорциях присутствуют и воздействуют на читателя подобно тому, как в человеческом организме присутствуют все элементы периодической системы Менделеева.

Пренебрежение к толковому, многозначному, умному и забавному народному языку порождает, например, такие перлы:

Дедушка, как странно,
Вечером поляна
Возле старых кленов
Вся была зеленой!

(*Ольга Тарнопольская. Солнышкины ребята. М.: Советская Россия, 1961.*)

Беда тут не только в том, что поэтесса не умеет рифмовать («кленов — зеленой», «сладко — кроватках», «ловко — головки»). Строки, написанные более правильно, выглядят, пожалуй, еще хуже:

Здесь в траве душистой
День-деньской потеха,
И роса искристо
Вся дрожит от смеха.

Счастье, если ребенок отодвинет в сторону эти нестерпимо старомодные, вялые, сентиментальные вирши. А если нет? Дело не только в дурном языке. Вместе с ним в сознание ребенка входят дурной вкус, слащавость, эстетство, жеманность. Представьте себе маленькую девочку, доверчиво читающую вслух эти строки. Какой она вырастет, если мнимая поэзия оставит след в ее сердце?

Пять книжек издал за последние два года способный ленинградский поэт И. Демьянов. Когда-то он написал веселое, безукоризненное стихотворение «Сонная подушка». Оно настолько понравилось ребятам, что ввело некоторых из них во грех «плагиата»: они посылали «Сонную подушку» в редакцию как свое сочинение.

А теперь способный поэт в трех книжках (!) не сумел зарифмовать «Машу» и «кашу». Не согласуются у него эти слова:

Обняла свою бабушку Маша:
— Всем спасибо за вкусную кашу!

У Демьянова немало таких строк, как «Вовка взял к битью сноровку» или «ковш все глубже гложет грунт». Неужели ни он, ни его редакторы не сочувствуют малышу, которому предстоит в страшных муках произнести это «ковшвс»!

Можно попытаться приохотить ребенка к манной каше, но зачем это делать с кашей во рту? Неряшливому языку часто сопутствует нелепый смысл:

Тут комбайн по деревне шагает,
Застегнулся на тысячу гаек.

Не знаю, обратят ли внимание дети на слабую рифму, но многие из них заметят, что комбайн, в отличие от человека, не может застегнуться на ходу, «на тысячу гаек» его когда-то застегнули рабочие. Хороший образ, а стоит не на месте.

Странное впечатление производит книжка Демьянова «С ними ссориться нельзя». Ее герой Семен, взрослый человек, «раздружился» с часами. Не смотрит на них и всюду опаздывает. Удивительно плоский замысел: автор высмеивает не порок, не заблуждение, а патологический идиотизм. Поэтому в цепочке однообразных приключений нет ничего поучительного и интересного. Другое дело, если бы часы поссорились с ленивым Семеном и отказались показывать ему время. Или если бы Семен раздружился только с минутной стрелкой. Тогда были бы на месте неплохие строки:

Кто минуту бережет,
У того длиннее год!

В работе над стихами для дошкольников нужно делать ставку на каждое отдельное стихотворение. Ведь оно может войти в фольклор, стать спутником многих поколений ребят.

Удобство и роскошь

Для удобства мы часто делим книжки для малышей на воспитательные, познавательные, развлекательные, классифицируем их по темам: колхозная тема, тема труда и т.п.

Однако нужно, чтобы такое удобство не становилось роскошью. А мы нередко позволяем себе роскошь делать скидку на тему, не учитывая, что воздействие наших книжек на малышей многосторонне, что всякая вещь, выступающая (по праву или не по праву) как произведение искусства, представляет собой сплав, и если в этом сплаве недостает каких-то компонентов, то их место, независимо от воли автора и редактора, занимает нечто другое.

Искусство по своей природе эмоционально. Неинтересная книжка на полезную тему, неестественная и пресная, вполне способна вызывать у читателя живое и острое чувство, которое называется скукой. И если это чувство то и дело возбуждается в связи с какими-то определенными темами, то ребенок, не будучи психологом и литературоведом, в конце концов решит, что скучны не те или иные конкретные сочинения, а сами темы! Довоспитались!

Мы любим задавать вопрос: чему учат наши книжки? Прочитав огромную стопу «дошкольных» изданий, вышедших за последние два года, я могу ответить на этот вопрос уверенно и категорически: только хорошему! Лишь в одной книжке, да и то по недоразумению, автор превозносит качество, отнюдь не украшающее человека, — подхалимаж:

На родительском собрание
Записали в протокол:
«Поручить на праздник Ване
Приготовить вкусный стол...
Будет гость из Министерства...»

Дальше рассказывается, как безликий «гость из Министерства» уписывает всевозможные яства, приготовленные Ваней. На рисунке изображен типичный банкет времен «показухи» и угодливый мальчик-официант за плечом у виновника торжества. «...В жизни это пригодится», — умиляется

М.Смирнова, автор книжки «Водовоз», выпущенной пензенским книжным издательством в 1961 году.

Это единственный случай, когда отрицательное качество не высмеивается, а воспевается. Его можно не брать в расчет. Беды у нас другие.

Задача «дошкольной» литературы — воспитание словом. Существуют два взгляда, два представления о воспитании, два подхода. Есть воспитание, так сказать, нормативное, умозрительное: в ребенке следует воспитывать такие-то положительные качества, призывать его к тому-то и тому-то. Предполагается, что сам по себе ребенок этих качеств начисто лишен, в него надо их вкладывать заново. Пресловутая «табула раса» — чистая доска.

При таком подходе роль детской литературы не только признается, но и резко преувеличивается. Предполагается (обычно молчаливо), что литература и только литература учит ребенка, дает ему правильное или искаженное представление о жизни. Изобразил писатель озорника — и ребенок немедленно и на всю жизнь становится хулиганом; изобразил взрослого человека смешным и даже плохим — и ребенок моментально перестает уважать взрослых. Предполагается также, что своего ума у ребенка нет, и, значит, нужно прежде всего наделить его чужим умом. Рассказал писатель сказку или пошутил — воспитатели перепуганы: они убеждены, что отныне ребенок на всю жизнь получит искаженное представление о действительности.

Если верить этому взгляду, то задача детского писателя необычайно облегчается: достаточно обладать некоторым профессиональным умением и добросовестно излагать стихами или инфантильной прозой те или иные правильные и бесспорные вещи, и все в порядке: пиши себе на «тему труда», «тему патриотизма», можешь выбрать колхозную тематику, можешь городскую, призови старших дошкольников помогать взрослым, а самых маленьких умываться, слушаться маму и уписывать манную кашу, и все в порядке. Можешь позволить себе воспеть природу, помня, однако, что это не главная тема; возможен и некоторый процент так называемых «веселых стихов».

Бесконечно облегчается и задача критики: что отражено, что недостаточно отражено, что, к сожалению, совсем не отражено.

Сочинения такого рода легко аннотировать, классифицировать, они очень удобны для литературной отчетности. Отличная рационализация! И если бы мы имели дело не с маленькими людьми, а с гомункулами, то, пожалуй, такой подход был бы единственно возможным.

Впрочем, у нас давно уже нет ни одного писателя, критика, редактора, педагога, психолога, который считает себя сторонником нормативного, оторванного от жизни воспитания. У нас полностью и безоговорочно победил научный, диалектический взгляд.

Однако нормативное отношение к делу нет-нет да и проявится не самостоятельно, а как предрассудок, как сопутствующее явление. Оно приходит в «дошкольную» литературу вместе с добрыми, но вялыми намерениями, ленью или усталостью мысли, спешкой, ремесленничеством, узкоутилитарными целями, казенщиной и, наконец, вместе с просчетами в замысле, с несовершенством формы.

В подтверждение я мог бы привести примеры из слабых книжек, изданных на периферии. Но стоит ли это делать? У В.Лифшица есть чудесная книжка «Про Настеньку и Васю». Вялый Вася и энергичная Настенька воспринимаются некоторыми малышами как их собственные двойники. Поленился, не сделал чего-то, винит не себя, а двойника: «Мамочка, это был Васька?!» Говорить о плохих, бесталанных книжках, конечно, следует. Но, чтобы избежать спасительного «это был Васька?!», надо проанализировать средние книжки, выпущенные столичными издательствами. Я не хочу подрывать ничьей репутации, бросать тень на добрые и заслуженные писательские имена. Речь пойдет не о лицах, а о явлениях, от которых надо освободить сильных и свежих писателей. Именно

средние вещи на хорошую тему, созданные талантливыми авторами, часто служат образцами и вызывают «цепную реакцию» бездарных подражаний.

Мнимые дети в реальных валенках

Вместо небольшой поэмы или цикла стихов, каждый из которых в отдельности может представлять ценность, распространилась форма книжки-обозрения. Отдельные стихи связаны между собой общим героем — ребенком, какой-то общей темой, но сюжет развивается по принципу экскурсии, демонстрации тех или иных картин, нанизывания эпизодов, не вытекающих один из другого.

Как правило, в таких книжках нет, так сказать, и музыкального единства, нет развития какой-то поэтической, эмоциональной темы. Книжка-обозрение. Книжка-ревью.

Я убежден, что такая форма не оправдала себя, это доказывается практикой даже очень опытных и талантливых поэтов. Вот, например, книга З.Александровой «Новые знакомые» (М.: Детгиз, 1960). В ней двенадцать стихотворений, или главок. Сюжет книжки таков: мальчик-горожанин приезжает в деревню и видит сначала сельский пейзаж, потом своих родичей, о которых читателю дается беглая стихотворная справка, потом помогает деду чинить валенки, далее знакомится с деревенскими малышами, видит, как плавают утки в незамерзающей речке, посещает птичник, свинарник, теплицу, телятник, утаптывает в саду снег под деревьями, спасая их от мышей, сидит у костра с ребятами и уезжает, на этот раз не на лошади, а на «Победе».

Я назвал это сюжетом, хотя, по существу, сюжета, то есть развития, в книжке нет. Но какое-то внешнее его подобие существует. И это подобие сюжета требует от автора больших усилий для того, чтобы зарифмовать, так сказать, соединительную ткань, все эти композиционные мостики, переходы и мотивировки, хотя бы внешние. В книге много не поэтических, а чисто служебных строк. Да и сам мальчик Шурик играет в ней служебную роль, у него нет собственного характера, нет своей «музыкальной темы», он не живет согласно логике характера, а послушно выполняет волю автора.

Славно прокатиться
В розвальнях зимою...
Говорит возница:
— Звать меня Кузьмою.

Или:

Вот большая школа,
Трехэтажный клуб...
Лай собак веселых,
Сизый дым из труб.

На пригорке низком
Домики, домишки.
По дороге с визгом
Мчатся ребяташки.

Чье это восприятие? Мальчика? Нет! Автора? Тоже нет. Тут веет чем-то давным-давно знакомым, хрестоматийным:

Вот моя деревня.
Вот мой дом родной...

Но у Сурикова за двумя строчками экспозиции немедленно следует действие:

Вот качусь я в санках
По горе крутой.

Здесь же растянутая экспозиция. Забегая вперед, должен сказать, что «служебные» мальчики и девочки лишены детских радостей: у них нет ни санок, ни коньков, ни лыж, ни снежков, ни велосипедов, ни беготни, ни крика (это лишь констатируется в сухих строчках, вроде «по дороге с визгом мчатся ребятишки»). Иногда забываешь, что такие дети в книжках-обозрениях представляют собой фикцию, литературный прием, и начинаешь их жалеть, хочется их встряхнуть, выпроводить на воздух, чтобы они пошалили, побегали, покричали, побыли детьми.

Бедный Шурик по воле автора сразу же отправляется работать. Характера у него нет, он — мальчишка служебный, и потому непонятно, откуда такая жажда полезной деятельности. Мотивировка внешняя:

Родные гостю рады.
Но всем работать надо.
Зовут из-за стола
Колхозные дела.

Для этого не обязательно сразу же выходить из дому:

Шурик вместе с дедом старым
Сел на лавочку в углу,
Тоже нитку смазал варом,
Вдел в огромную иглу.
Проколол подошву шилом...
Надо шить, чтоб крепче было!

Оказывается, Шурик — отличный мастер! Надо думать, в Москве научился! У деда его мастерство удивления не вызывает, дед тоже служебный, и характера не имеет. Но талант автора вдруг пробивает серую холстину «соединительной ткани»:

Сколько валенок у деда —
Не починишь до обеда...
Белых, черных, серых, рыжих,
Дранных, стоптанных на лыжах...

Отличные строки. Озорной ритм считалочки. И у каждого валенка есть характер. Они живые. Так легко представить себе и полюбить их хозяев. Но — увы! Раскрыв следующую страницу, мы с грустью видим, что в живых валенках ходят мнимые дети. Они завязывают знакомство с условной фигурой, носящей имя Шурик:

— Ну, москвич, слезай с крылечка,
Погляди, где наша речка, —
Ребятишки говорят. —
Мы возьмем с собою сани,
На горе кататься станем...

На санях они, конечно, не прокатятся: служебные дети обязаны либо работать, либо смотреть, как работают взрослые. Какая там снежная горка? Шурику легче попасть в теплицу:

Сняв пальто и шапку,
Шурик выбрал тяпку,
С тетей Аней рядом
Стал рыхлить рассаду.

И с этим делом он, разумеется, легко справился.

С мальчиком ничего не произошло, мы не смогли его не только полюбить, но и просто разглядеть. И, когда перед ним, едущим в «Победе», «пролетают школа, клуб и сельсовет», мы расстаемся с Шуриком без сожаления. И ребята, как положено нормативным детям, ничуть не грустят: Шурик придет летом удить пескарей, а деревенские ребята приглашены в Москву прокатиться на лифте и «посмотреть смешных слонят». Боюсь только, что там их заставят чинить лифт.

Я поэтому позволил себе при всем уважении к З.Александровой не совсем почтительные высказывания по адресу ее героев, что остро и радостно ощущаю (в той же книжке) свежесть и молодость ее таланта.

Стоит автору отвлечься от своих унылых героев, забыть о требованиях композиции, о мостках, переходах, мотивировках, как перед нами возникает:

Белая, скрипучая,
Снежная зима.
И бегут, как лыжники,
Сосенки с холма.

Тут и энергия, и современный глаз, и свежесть, и музыка. Эта музыка требует своего сюжета, своих событий, своих героев. Четверостишие может существовать и как законченная лирическая миниатюра.

Есть в книжке и хорошие стихи: «Детский сад для утят» и «Телята тети Насти». Здесь поэзия заключена в самом предмете:

Телята тети Насти
Поют на все лады.
«Мму-у!» — это значит «здрасьте»,
«Му-у-у!» — хочется воды,
«Му-му!» — принеси нам пойла,
«Ммму!» — выпусти из стойла...

Такие стихи действительно могут способствовать трудовому воспитанию. Так и хочется забежать в этот телятник. Но чистая, звонкая мелодия обрывается, вновь слышится сухая информация, и уже не веришь, что «у тети Насти нашей помощников не счесть: есть школьники постарше и октябрюта есть».

Одновременно с «Новыми знакомыми» З.Александрова выпустила сборник «Пятеро из одной звездочки». Это уже не «ревью», а цикл стихов, связанных общей темой. Тут и октябрютские песенки, и веселое стихотворение про птиц «Новая столовая», и очень живые стихи «Школьный бал». Первоклассники приносят кукол в портфелях, мальчишки стесняются, «а девочкам легко играть: они знакомят дочек».

А в перерыв оркестр утих —
За стол артисты сели.
Но есть не научили их —
За них ребята ели.

Нет никакой «соединительной ткани», дети остаются детьми, сборник построен свободно и разнообразно.

Цветут ромашки на лугу.
В траве краснеет мак.

Из них венок сплести могу
Вот так,
вот так,
вот так.

Вот так и делаются настоящие полезные книжки!

Топор во щаж!

Горит зеленый свет,
Летит зеленый снег.
А разве снег зеленый?
Зажегся красный свет,
Помчался красный снег,
Колючий и студеный.

Не правда ли, прекрасные стихи?
Теперь про уборку снега:
Еще ни пес, ни человек
Не наступал на этот снег...
Тут и машина подошла,
Работать сразу начала.
Лапы быстрые, кривые,
Загребают, как живые.
Вот устроено хитро —
Вверх поехал снег,
Как по лестнице в метро
Едет человек.
Свежий современный взгляд!

Еще одна миниатюра, где по-новому сказано о привычных вещах, ярко, звонко и, как говорится, познавательно:

Целый день стучали капли
И по лужам булькали.
Капли к вечеру озябли,
Свесились сосульками.

Диапазон автора, как мы видим, широк. Ему удаются и сатирические строки, также проникнутые чувством современности:

Мы сказали: — Ну, а Кольку
Не возьмем мы на звезду!
Он там что хочешь натворит,
Он разве понимает?
Он там повсюду насорит
И что-нибудь ломает!

Как хорош был бы сборник, состоящий из этих коротких и разнообразных стихов! Но такого сборника и таких стихов нет. Есть длинное обозрение А.Кардашовой «В нашем переулке» (М.: Детгиз, 1961).

Это не отдельные стихи, а подробности, вырванные из контекста. Каков же сам контекст?

Через улицу с оглядкой
Надо здесь переходить.
У мигалки за порядком
Помогаем мы следить.

Вообще-то говоря, это дело не для дошкольников.

Мы вошли в подъезд девятый —
Там порядок, чистота!
Мы вошли в подъезд десятый —
Нет, картина здесь не та.

Малышей в обзрении заставляют толкать самосвал, помогать постовому и выполнять другие взрослые функции по поддержанию порядка в общественных местах. Искусственность, заданность сюжета совершенно очевидна. Вот случай, когда дидактическая подмена чувства современности вступает в противоречие с действительным чувством современности, свойственным автору. Талант подсказывает Кардашовой прекрасные строки, почти готовые стихи, пойдешь за ними и придешь в чудесную страну поэзии, а силы приходится тратить на то, чтобы зарифмовать соединительную ткань, мотивировать искусственные ситуации.

Вспоминается сказка про щипца из топора. Но из одного «топора», из одной тягучей назидательности щипца не сварить, и вот талант дает навар, получается нечто «съедобное». Правда, солдат из сказки, прежде чем приняться за еду, вынул топор из щипца. В «ревю» Александровой и Кардашовой «навар» получился. Осталось только вынуть топор. А может, лучше совсем его не класть?

Дело мастера боится

По-своему отдала дань условной форме «трудового ревю» и Е.Серова. В книжке «Дело мастера боится» (М.: Детгиз, 1961) «проказница» Света и ее братишка по имени Тишка хотят «делать большие дела». Сфера действия на этот раз — квартира. Сначала ребята делают «большие дела», то есть готовят кота на роль Лайки, шьют, чинят электроплитку, включают пылесос не очень удачно, потом обретают опыт и мастерство, что позволяет автору закончить книгу «свежо» и «оригинально»:

Да, недаром говорится:
Дело мастера боится.

Для того чтобы подвести читателя к этим строчкам, Серовой не понадобилось обаяния и нежности, отличающих ее талант. Стих удивительно банален и подражателен, хотя и боек. Это имитация веселости.

Материала по всей книжке только на одно стихотворение.

Вот хорошие строки про Тишку, который

Вытер полку и окошко,
Вытер печку и комод,
А когда вспотел немножко,
Той же тряпкой вытер пот.

А вот про Свету:

Света делала котлеты:
Покатала их в руке,
Поваляла их в муке.

Часть муки — в котлету,
Часть муки — на Свету!

Концовка:

Черный Тишка с белой Светой
Кончили трудиться.
Что им делать, посоветуй!
Ну конечно, мыться!

В этих строчках дети ожили. Еще две-три строки, и получилось бы хорошее стихотворение. Но вялая и рыхлая форма «обозрения» требует многословия, лишённого поэзии и не связанного с действием. Даже это стихотворение раза в три длиннее, чем надо. Автору почему-то захотелось прокомментировать поступки своих героев:

Почему она седа?
Не случилась ли беда?
Что вы, что вы! Наша Света
Весела как никогда.

Когда в таком ритме прыгает героиня очаровательной «Веревошки» Барто, он радуется; когда тот же ритм требуется для оживления длинноты, он приводит в отчаяние.

Стихи «Кот-пилот». На первый взгляд ничего особенного, даже как будто забавно:

— Ты слышал, — сказала Света, —
На Луну летит ракета!
Полететь бы нам туда...
Да не пустят, вот беда!

Тогда решили потренировать кота.

Он усядется в кабину
И взлетит до самых звезд!..
Тишка, дай сюда корзину
И тащи кота за хвост!

Я не верю этим стихам. Не верю, что дети думают, будто их не пустят на Луну, и легко с этим мирятся, не верю, что игра в космический полет не такое большое дело, как починка электроплитки, не верю, что маленькие люди космической эры ведут себя так рассудочно, что они не чувствуют себя хоть на минуту космонавтами. Если же поверить этому, то Тишка и Света — дети, испорченные формальным воспитанием, прозаически практичные — словом, маленькие обыватели. Серова не хотела изобразить их такими, но ее подвела избранная ею форма, где ребенок служит только наглядным пособием, а его мир бесконечно обедняется ради благополучного решения заданной темы. Так «маленькая польза» начинает приносить немалый вред. И прежде всего самому поэту.

Вот как в книжке Серовой «У Южного моря» дружат море и небо:

Грозами ли небо взрывается,
С врагами незримыми споря,
И море ему отзывается —
Ревет разъяренное море!

Это не игрушечный мирок, это жизнь, это чувство, родственное могучим стихиям, а значит, и душе ребенка!

А сколько поэзии чистой, толковой, облагораживающей нашла Серова даже в самых, казалось бы, «занюханых» цветах!

Например, незабудка:
Должно быть, оторвали
От неба лоскуток.
Чуть-чуть поколдовали
И сделали цветок.

Жутковато после этого читать:

Возмутился кот Мурлыка,
Завизжал Мурлыка дико
И с огромной высоты
Прыгнул прямо на цветы!

Жаль «Наших цветов» Серовой!

Упрямые вихры и непокорная прядка

Служебные дети, выступающие как наглядные пособия, проникают и в прозу, превращая длинные повести и короткие рассказы в рыхлые «ревью».

Так получилось, например, с повестью С.Могилевской «Гори, наш костер» (М.: Детгиз, 1960).

Дошкольники первый раз в жизни едут в «таинственное и незнакомое место, которое называется «пионерский лагерь». Независимо от избранных автором конкретных героев, фабулы, конфликтов, тут с самого начала неизбежно подразумевается еще одна увлекательная художественная задача: дать через восприятие малышей жизнь пионеров, романтику пионерского лагеря. Задача поэтическая, музыкальная, определяющая тон произведения. И поэтому бойкость слога, беллетристически обкатанные фразы, все эти взрослые штампы: «в порыве нежности», «жестокое разочарование», «энергично тряхнув головой» — вызывают досаду и недоумение. Они почему-то сопутствуют основным, «конструктивным» эпизодам повести, в то время как второстепенные с точки зрения развития сюжета эпизоды написаны правдиво и поэтично. В чем же дело?

Главное в повести — конфликт между «Малявкой», юной и с виду несолидной вожатой, и упрямым, самостоятельным мальчишкой, который судит о взрослых по их внешнему облику. Это как будто интересно и правдиво, если речь пойдет о живых людях. Но вот их приметы: у мальчика «упрямые вихры и заносчиво вздернутый нос, на котором сквозь загар пробивались веснушки», у вожатой «непокорная темная прядка». Все ясно! Мы прекрасно знаем, как пойдет и чем завершится набивший оскомину конфликт между упрямыми вихрами и непокорной темной прядкой. Догадываются об этом и малыши, может быть, впервые сталкивающиеся со столь «свежей» ситуацией. Описание внешности героев разоблачает заданность конфликта и служебный, условный характер главных героев.

Вот почему в книжке интересно то, что уводит от основного сюжета: толстая Люся с ее хозяйственной мамой, еще одна девочка, начитанная и все знающая, описание дождя, огни самолета над искрами пионерского костра. Вот живой материал, из которого, если вынуть «топор», могла бы получиться веселая и лиричная повесть.

Читатель и его модель

Герои книжки С.Сахарнова «Самый лучший пароход» (М.: Детгиз, 1961) — моряки, радисты, грузчики, водолазы. Мир, очень интересный для ребят. Книжка написана со знанием дела. Но и туда зачем-то проникли «служебные дети».

Рассказ «Морской токарь». Сломался стальной винт. Перестала поворачиваться башня линкора. И один моряк прямо в бою выточил новый винт. Автору кажется, что этого мало, что «для интереса» нужно ввести в рассказ маленьких детей. Пусть они сначала удивятся: моряк — и вдруг токарь, а потом поймут: морской токарь — это очень важно. Вот, собственно, и вся нагрузка, которая легла на плечи крохотной ленинградки Майи, дочери моряка, и ее безымянной подружки, дочери летчика.

Для большей наглядности автору нужно, чтобы «Майя... крепко спала в своей кроватке и ничего, конечно, не знала ни про бой с фашистами, ни про линкор, ни про сломанный винт», а потом поспорила с подружкой, чей папа важней.

Художник Ю.Смольников еще больше подчеркнул их «служебную» роль, изобразив девочек на фоне роstralной колонны и зенитного орудия. Майя в оранжевой шубке, отороченной мехом, в голубой муфточке, полосатой шапочке с помпоном, не менее нарядная подружка держит игрушечную лопатку! Обе полненькие, румяные, благополучные. Так они живут и выглядят, если верить С.Сахарнову, на втором году блокады.

Появление этих розовых условных персонажей на фоне блокадного Ленинграда граничит с кощунством. Здесь особенно остро ощущаются фальшь и нелепость привычного приема «ревю», без которого вполне можно обойтись.

Откуда же берутся кочующие из книжки в книжку пустоголовые манекены, характера и лица не имеющие, никак не связанные с условиями, в которых их помещают, почему они продолжают жить и плодиться в книжках, в рисунках, в замыслах писателей и издателей? По-видимому, по инерции, по привычке, по недоразумению.

В рассказе Сахарнова это видно особенно отчетливо. Написал он хороший рассказ со взрослым героем и спохватился: вдруг читатель в силу своей «дошкольной специфики» чего-то не поймет. И вот в рассказ вводится двойник читателя, который и должен во всем разобраться. Двойник, мол, разъяснит читателю, в чем дело.

Суверенное право думать и разбираться в прочитанном у читателя отнимается и передается двойнику, среднестатистическому ребенку. Этому же схематическому существу передается и часть суверенных прав писателя, например, право непосредственного воздействия на ум и сердце ребенка. «Служебный» ровесник малыша, его искусственная модель, воспитывается вместо читателя и воспитывает вместо автора. При этом пассивны и читатель, ибо за него думает двойник, и автор, ибо его талант, как мы видели, может свободно выразиться лишь в подробностях, не связанных с основным сюжетом, и конечно же сам двойник — существо с заданными свойствами, покорно выполняющее волю автора.

Казалось бы, бесполезный, но и безвредный литературный прием! Однако, как сказано выше, ребенок о такой тонкости не подозревает. Он видит свою схематическую модель во плоти, на рисунках, и верит, что перед ним действительно его ровесник Шурик, Тишка или Колька. Хорошо, если они его не заинтересуют. А вдруг условные персонажи все-таки оставят след в его душе? «Двойники» бездумны, безрадостны, скучны, они — исполнители, чуждые творческого духа. Не дай бог, если их заданные, литературно-служебные функции хоть в малой степени превратятся в чьи-то реальные человеческие качества.

Персонажи, заменяющие живых детей и самих авторов, к несчастью, возникают обычно в книжках, посвященных трудовому воспитанию. И в конечном итоге создается впечатление, что труд — дело, разумеется, почетное и благородное, но, увы, невыносимо скучное. Так вместе с художественными просчетами писателей и узкоутилитарными расчетами издателей в наши книжки незаметно прокрадывается уродливое нормативное воспитание, основанное на неуважении к ребенку и недоверии к таланту.

Слово «просчет» я употребляю в буквальном смысле. Величину художественного просчета в каждом отдельном случае можно вычислить почти с математической точностью.

Возьмем тот же рассказ Сахарнова, в котором читателю все-таки оставляется свобода выбора. Где и с кем должен быть ребенок, слушающий этот рассказ? Конечно же в бою, на линкоре, вместе с умелым и храбрым морским токарем. Мысленно чувствуя себя взрослым, он остается настоящим ребенком.

Вместо этого ему предлагают общество маленьких резонеров. И возникает парадокс: заставляя малыша рассуждать по-взрослому, в нем тем самым закрепляют бескрылую инфантильность. А инфантильность, к сожалению, тоже способна расти и переходить вместе с человеком из возраста в возраст. Качество, совершенно не нужное будущему строителю коммунизма!

В сущности, по-настоящему взрослыми, полноценными и зрелыми бывают лишь те люди, которым в детстве удалось остаться детьми, а в юности юношами.

Не мешайте мне трудиться

А вот еще одна книжка. Ее герои шьют одежду куклам, подметают двор, поливают огород, месят тесто, штопают носки, пилят дрова... Опять ревю? Опять по воле автора и в назидание читателям трудятся благонамеренные «двойники»? Ничего подобного.

Не мешайте мне трудиться.

Я водицы притащу
И колодезной водицей
Всех, конечно, угощу.
Пейте,
Пейте,
Не жалейте,
А хотите —
В лейку лейте,
Поливайте огород,
Он ведь тоже воду пьет.

Из таких коротких и звонких стихов, произнесенных детским голосом, состоит книжка Елены Благиной «Не мешайте мне трудиться» (М.: Детгиз, 1961).

А где же соединительная ткань, мотивировки, поучения? Их нет. Разве поэзия не недостаточная мотивировка для появления стихов? Радость, увлечение, понимание смысла труда, правда детского характера звучат в этом «не мешайте мне трудиться».

А может, и правда не мешать малышам? Не вмешиваться в их труд со своими поучениями, нотациями, скучной информацией?

Все мы видели, как любят маленькие дети трудиться, подражая взрослым. Приходит девочка на кухню, где мама стирает, и просит: «Мамочка, мама! Давай я буду стирать, а ты что-нибудь другое поделай». Несколько раз повторяется этот рефрен в книжке Евг. Жуковской «Про голубой таз, терку и иголку с ниткой» (М.: Детгиз, 1960), пока девочка не находит себе посильной работы. И снова перед нами не «ревю», а веселые рассказы, короткие сценки из детской жизни, прямо обращенные к уму и сердцу ребенка. И девочка, и ее родители в этой книжке не условные носители таких-то качеств, а живые люди, занятые своими делами.

Вот, скажем, отец. Остался вдвоем с дочкой, работает над чертежом. Занята и дочка: то ей надо кукол уложить, то котенка напоить, то фантики собрать. А на самом деле ей просто не хочется спать, вот она и придумывает для отца всякие отговорки. Очень на месте в этом «жанровом» рассказе эпическая интонация волшебной сказки: «И снова отец поверил дочке». И сказка действительно возникает. Утром дочка сообщила, что видела плохой сон: с папиного чертежа разбежались кружочки и

черточки. Зато отец видел очень хороший сон: про котят. Девочка легла поздно, и сны, взрослый и детский, перепутались. Изящный, умный рассказ заканчивается тем, что дочка остается с мамой. «Ну, а у мамы с дочкой, как известно, разговор короткий. Тут уж никаких сказок не потребуется».

Общение с детьми, как мы знаем по опыту, не всегда праздник для родителей, но к авторам детских книжек это не относится. Писателю противопоказано будничное общение с детьми, от него требуются именно сказка, игра, а не «разговор короткий». Он для ребенка не мама, которой иной раз некогда играть с малышом и рассказывать сказки, приходится порой и прикрикнуть на него, и поставить его в угол, и заставить его сделать что нужно.

Накричать на ребенка, принудить его к чему-нибудь писатель в отличие от мамы не может и не имеет права. Писатель — человек из большого мира, он из тех, кого Белинский называл детским праздником, он — волшебник. Он имеет право и даже обязан поучать ребенка, воспитывать его и — более того — произносить назидания. Но и тут он должен оставаться волшебником, детским праздником и постоянно заботиться, чтобы волшебная палочка в его руках не превратилась в простую палку.

Маленький папа

Пока ребенок не научится читать, единственными читателями книжек для дошкольников остаются взрослые. Бывают книжки, которые взрослые читают механически, только бы чем-то занять малыша. Но бывают и такие случаи, когда взрослые сами пристают к ребенку и умоляют его послушать детскую книжку, доставляющую им радость. И нам совсем не безразлично, как воздействуют наши книжки на взрослого, будет ли он рассеянным чтецом или благодарным читателем и союзником писателя.

По-настоящему хорошая книга радует и детей, и взрослых, повышает уровень общения между ними.

Александр Раскин в книге «Как папа был маленьким» (М.: Советская Россия, 1961) вовлекает взрослых в интересную и полезную игру. Раскин, рассчитывая на помощь детей, приглашает родителей последовать своему примеру: «У этой книги есть продолжение. Оно будет для каждого из вас свое. Ведь каждый папа может рассказать, как он был маленьким. И мама тоже. Я бы сам хотел их послушать».

Раскин в своей книге задает тон таким рассказам. Он и не думает скрывать от детей свою нравоучительную задачу и вполне доверительно сообщает им: «Я старался, чтобы моя дочка поняла, как нехорошо быть жадным, хвастунишкой, зазнайкой. Но это вовсе не значит, что я сам всю жизнь был таким. Просто я старался вспоминать только такие случаи».

У героя этой книжки, каждая главка которой начинается словами «когда папа был маленьким», нет имени и фамилии. На каждой странице, буквально в каждом абзаце его величают маленьким папой или просто папой. И это не надоедает, а, наоборот, всякий раз вызывает смех, улыбку и удовлетворение: «Маленький папа совсем не думал о том, что другие люди, маленькие и большие, ничем не хуже его. А если с ним спорили или делали ему замечание, он сразу обижался. Это было очень противно. Маленький папа надувал губы, сердито смотрел и уходил».

Папа хвастается, обижается, трусит, кусает профессора за палец, вместо воды случайно пьет водку, прячется под кровать от учительницы музыки, папу шлепают, воспитывают, поучают — все это вызывает у малышей огромное доверие к рассказчику, а вместе с тем умение видеть себя и свои поступки со стороны, глазами других, умных и хороших людей. А ведь умение видеть себя со стороны, чужими глазами, постепенно становится внутренним взором — совестью.

Ирония по отношению к собственной персоне в сочетании с самоуважением и верой в свои силы — это свойство по-настоящему взрослого, зрелого человека.

«Прежде всего надо быть хорошим человеком. Это важнее всего и для легчика, и для токаря, и для пастуха, и для артиста». Книга Раскина, забавляя и поучая, незаметно внушает ребенку, что быть хорошим человеком важно не только для других, но и для себя самого. Ведь это очень здорово и интересно — стать хорошим человеком, добрым, умным и сильным. А быть эгоистом или прохвостом, ей-богу же, скучно, противно и в конечном счете даже невыгодно.

Мне кажется, что победу автор одержал уже в замысле, настолько он естествен и органичен, — ведь тысячи родителей и без этой книжки рассказывали и рассказывают малышам о своем детстве. В этом смысле книга Раскина типична, ее художественные приемы возникли в самой жизни. Может, потому книга и производит впечатление открытия.

О юморе

Незаметно у нас возникла странная практика — рассматривать веселые книжки для малышей как особый жанр, издавать наряду с книжками познавательными и воспитательными и какой-то процент просто забавных книг. Как будто книжки для дошкольников могут не быть веселыми и забавными, как будто в «дошкольной» литературе можно завести изолированный уголок сатиры и юмора. Это все равно что принять решение издавать известный процент книжек интересных и талантливых и наивно верить, будто остальные книги могут приносить пользу и не удовлетворяя этим требованиям.

Воспитывать, забавляя, — такова замечательная традиция советской детской литературы. Высоким юмором или откровенным комизмом пронизаны все стихи и сказки Маршака, адресованные малышам. Веселы все до одной сказки Чуковского, все до одного рассказы и повести Носова, все стихи для малышей, написанные Михалковым, Барто и Заходером.

Кто-то сказал, что юмор — стыдливость писателя. Писать для малышей без юмора, пресно, скучно, сентиментально — это бесстыдство.

Юмор в настоящих хороших книгах никогда не выступает изолированно, сам по себе. Даже перевертыши, лепые нелепицы, как доказал Чуковский, оказались для ребенка «благотворной гимнастикой мысли», не только забавой, но и «полезнейшим умственным трудом», в их основе лежит «не юмористическое, а познавательное отношение к миру».

Да и в жизни истинный юмор проявляется не в умении оценить анекдот и увидеть смешное в людях, предметах и событиях. Юмор теснейшим образом связан с душевным здоровьем, готовностью к подвигу, с вдохновением строителя, изобретателя, борца. Советский человек взял с собой юмор в Арктику и в Антарктиду, поднял его в космос.

И если есть на свете воспетая поэтами небесная улыбка, то именно с ней вернулись на землю наши космонавты.

Как пишет Чуковский, «юмор — драгоценное качество, которое, когда ребенок подрастет, увеличит его сопротивление всякой неблагоприятной среде и поставит его высоко над мелочами и дразгами».

Юмор — неотъемлемый компонент того благородного сплава, из которого создаются истинные произведения искусства. Он присутствует даже в трагедиях как незримый контролер, не давая им стать бессмысленным нагромождением ужасов, закаляя и выковывая нравственные силы и светлые чувства.

Поэтому вещи отнюдь не забавного свойства следует выверять юмором, а откровенно забавные сочинения — серьезностью.

Возьмем, например, совершенно серьезную книжку Анатолия Кузнецова «В солнечный день» (М.: Советская Россия, 1960). Рассказ «Деревце».

«Росло себе деревце. Оно было еще очень маленькое: деревце-ребенок. И было ему всего три года». Один мальчишка сорвал листок, другой отломил ветку, девочка сломала мячом верхушку, кто-то приставил к деревцу велосипед... Это делалось как бы само собой. Каждый из невольных губителей деревца оправдывал себя и легко утешался.

Проходил мальчишка с острым ножиком. «Вот, — думает, — сейчас попробую, какой он».

Отрезал веточку. Хороший, острый нож.

Деревце и засохло.

Пришли ребята, которые его посадили. «Что такое? — говорят. — Не хотят расти здесь деревья. Наверное, у нас земля плохая».

Вот и все. О гибели деревца рассказано деловито, точно и даже с юмором. Губители деревца — не злодеи, не хулиганы. Девочка с мячом, наверное, неплохая девочка. Мальчик, проверяющий качества ножа, тоже как будто славный мальчишка. Даже на миг радуешься вместе с ним, что нож оказался хорошим. Тем сильнее воздействие рассказа на маленького читателя: вот, мол, и ты мог так же бездумно и равнодушно погубить что-то хорошее, светлое.

С юмором написан и другой рассказ Анатолия Кузнецова «Ласточка». Он начинается фразой: «Рогатка вышла чудесная». Автор вместе с маленьким героем восхищается «боевыми качествами» рогатки. «Победа!» — кричит мальчик, сбив ласточку.

Кузнецов подробно и точно изображает муки пробудившейся совести и то счастье, которое испытал мальчик, когда он поправил дело, вылечил птицу и выпустил ее на волю.

«— Ну, лети.

Но птичка не улетела. Она сидела, цепко ухватившись за его палец, и только вертела головкой.

И вдруг она чуть вытянула шею и чирикнула:

— Чи-ик!

И в тот же миг, мелко взмахивая крыльями, полетела вокруг Павлика, словно бы привязанная ниткой».

Невозможно не переживать вместе с Павликом это острое и мучительное чувство. Чувство светлое, глубокое и естественное — совесть, человечность.

Любая попытка педалировать это чувство, еще более усилить его привела бы к обратному результату. Юмор дал ему чистоту, артистичность, спас от сентиментальности.

У Николая Носова устойчивая репутация писателя-юмориста. Настолько устойчивая, что мешает понять его индивидуальность и значение его книг. С.Маршаку пришлось специально говорить о «своеобразной серьезности» Носова, «о лиризме и памятной зоркости бытописателя», без которых тот, конечно, не был бы таким замечательным детским писателем, каким его знают миллионы читателей.

А критик Ст. Рассадин, автор небольшой монографии о Носове, «ничего не имея против определения «юморист», искренне удивляется «слишком уж плотному прикреплению его к этому писателю» и спорит... с учебником для педучилищ.

Ст. Рассадин обстоятельно и глубоко анализирует новую «дошкольную» книжку Н.Носова «Фантазеры» (М.: Детгиз, 1960), и мне остается присоединиться к выводу критика, что этот веселый и легкий рассказ посвящен «самым серьезным проблемам, существующим во взрослом и детском мирах».

Юмор Носова идет от правды жизни, правды характеров. Это не только черта его писательской индивидуальности, но и норма для «дошкольной литературы». Часто же мы отклонялись от нормы, если Носову долгое время пришлось оставаться чуть ли не единственным юмористом, пишущим для малышей.

К счастью, в последнее время мы получили больше «нормальных», то есть веселых, книг, появились новые имена. Например, Виктор Голявкин. Это прирожденный юморист, и потому его сочинения нужно выверять присутствием в них не юмористических компонентов, например, лирики. Ведь в его книге «Кому что удивительно» наименее интересны и смешны как раз те рассказы, где юмор предстает, так сказать, в чистом виде, без «примесей». Автору приходится настаивать, что эти рассказы действительно смешны, даже герои в них начинают смеяться, не дожидаясь, пока засмеются читатели:

«Послушала Катя рассказ про Петю. Смеется:

— Ой, какой Петя смешной!»

«Мы весь вечер над Петькой смеялись», «На него нельзя было смотреть без смеха», «Смешно смотреть на тебя», «Вон ты какой смешной». Это реплики из рассказов «Поющая Катя» и «Закутанный мальчик», в которых комические ситуации не одушевлены мыслью, не глубоки.

Но стоит Голявкину отойти от «чистой» юмористики, как его рассказы становятся уморительно-смешными и трогательными. Таков рассказ «В шкафу», написанный от первого лица.

«Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Подумают кошка, а это я».

Но, увы, бедняга Цыпкин уснул в шкафу и проснулся, когда школа уже опустела. Шкаф заперт. Ключ унес староста класса. Цыпкин беседует с уборщицей, завучем, директором. Все это сидя в шкафу.

«Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто же там был?» Я скажу: «Не знаю».

И все спрашивают несчастного, как он туда попал. Тот даже не хочет вылезать после того, как взломали дверь.

«Я все время молчал.
Я не знал, что сказать.
Я ведь хотел только мяукнуть».

Смеешься над Цыпкиным, сочувствуешь ему и даже ставишь себя на его место. Кому из нас не только в детстве, но и в более зрелом возрасте не приходилось по недоразумению или по собственному недомыслию попадать в подобные отчаянные и комичные положения. И невольно испытываешь чувство признательности к автору, который вызвал в тебе этот беззаветный, непринужденный смех.

Голявкин пишет кратко, энергично, он умело сочетает правдоподобие с эксцентрикой, у него свой голос. Таким голосом можно рассказать детям об очень серьезных и значительных вещах. Но это не значит, что милые шутки Голявкина сами по себе не существенны. Как ни странно, но без таких

изящных «пустяков» невозможно создание серьезных произведений. То и другое возникает от полноты жизни. (Не случайно, что легкое «Подъезжая под Ижоры» и философское «Брожу ли я вдоль улиц шумных» написаны Пушкиным в одном и том же году.)

Лирика и точность

Развитие малыша идет стремительно. Разница в три года — для него целая эпоха!

Я знал трехлетнего мальчика, который называл свою шестилетнюю приятельницу «маленькой тетей»: в его восприятии она меньше отличалась от взрослых, чем от таких малышек, как он. И оба они — читатели «дошкольных» книжек.

Старшим дошкольникам близок и понятен мир лирических впечатлений и переживаний. Поэзия игры и сказки обогащается у них острым ощущением поэзии окружающей жизни, природы, человеческих дел и чувств, поэзии действительности.

И если младший дошкольный возраст живет в нас, взрослых, почти бессознательно, если от него у нас остались только разрозненные воспоминания, то память следующей эпохи раннего детства, воспоминания, относящиеся к так называемому «старшему дошкольному возрасту», остаются на всю жизнь. Они богаты, разнообразны и проникнуты лиризмом. Они уже часть нашего сознательного внутреннего мира, часть нашей личности и потому в какой-то мере влияют на наши сегодняшние, взрослые дела.

Таким образом, в возрасте от пяти до семи очень нужны книги, которые выражают, укрепляют и направляют естественную лирическую настроенность ребенка, книги, где на первый план выступает лирический элемент.

В критике существует понятие «лирический герой». Имеется в виду то внутреннее «я», от чьего имени как бы создаются художественные произведения. «Я» — не бытовое, житейское, а, так сказать, возвышенное, способное воспринять и передать другим поэзию жизни. Но это понятие было бы бессмысленным, если бы лирическому герою поэта не отвечал лирический герой читателя.

В том-то и дело, что «лирический герой» присутствует и в людях, далеких от литературной деятельности, он живет в каждом из нас, хотя бы в раннем детстве. И если бы поэтическое отношение к миру не было свойственно «обычным» людям, то поэзия превратилась бы в мудреную игру, понятную лишь посвященным, и в конечном счете выродилась бы.

Лирика так же, как и юмор, не самоцель. Лирическое чувство неотделимо от предмета или явления, которыми оно вызвано. «Химически чистая» лирика легко превращается в любование красотами, ложный пафос, наигрыш или сентиментальность.

Дельность и толковость несколько не противопоказаны лирике, в особенности «детской». Знаменитая песенка «В лесу родилась елочка» — прежде всего обстоятельный, толковый рассказ о судьбе новогодней елки, о том, как она росла в лесу, как попала на праздник. Незатейливая песенка потому трогает детские сердца, что ее поэзия заключена в существе предмета, в естественном ходе вещей.

Радостная сказка-игра С.Соколинской «Дождик» (М.: Детгиз, 1960) была бы нестерпимо-слащавой и сентиментальной, если бы каждая ее подробность, каждый образ не выверялись точным и трезвым взглядом. Всякая сказка предполагает некое условие между автором и читателем. В данном случае условились, что дождь и солнце могут вести себя как люди. Дождик в сказке остается дождиком: все его ждут, все радуются и в то же время убегают от него, как это и бывает в жизни. Однако согласно условию дождь еще и живое существо. И совершенно понятно, что это славное существо искренне удивилось и даже расстроилось: звали, ждали, и вот я здесь, а вы от меня прячетесь. Как же так?

Житейское правдоподобие сочетается с правдой характера, и возникает новая точность. Точность сказки, игры, поэтического образа.

Сказка заканчивается появлением радуги, которая стояла на небе, «пока не кончили смеяться и солнце, и дождик» (он наконец разобрался, в чем дело). Образ был бы манерным, если б автор не подвел под него «научную базу». Радуга возникает, оттого что солнце и дождик смеются, а происходит это так: «дождик засмеялся, капельки разбрызгались. Солнце засмеялось и засверкало в этих каплях». Поэтический образ мотивируется реальными знаниями, и возникает свежее решение привычной темы. Знание дела не противоречит ни фантазии, ни лирическому чувству.

«Лес густой, зеленый и полон шорохов, писков, песен.

Но вот вошел в него охотник — и мигом все спряталось и насторожилось. Как волна от брошенного в воду камня, покатила от дерева к дереву тревога. Все за кусток, за сучок — и молчок.

Теперь хочешь увидеть — сам стань невидим, хочешь услышать — стань неслышим, хочешь понять — замри.

Я это знаю. Знаю, что из всех лесных тайничков следят за мной быстрые глаза, влажные носы ловят бегущие от меня струйки ветра...»

Так начинается рассказ Н.Сладкова «Лесные тайнички». Рассказ, как говорится, познавательный и, может, потому глубоко лиричный. Автор видит мир взволнованно и точно, то есть талантливо.

Знания, проникнутые и одушевленные непосредственным чувством, чувства умные, не засушенные, а обогащенные знаниями, — таковы свойства истинно современных людей, строящих будущее. Эти свойства надо воспитывать с самого раннего детства.

Лирическая волна

Однажды мне, тогда еще начинающему автору, поручили написать небольшой очерк для радио. Я спросил, как писать.

— Пишите так, чтобы радиослушатель не переключился на другую волну, — ответил редактор.

Геннадий Снегирев с первых фраз настраивает читателя на лирическую волну, затрагивающую внутренний мир:

«Мой дедушка — охотник. Живем мы в избушке около ручья. Еще с нами живет Чембулак. Это такая собака; она у меня кусочки выпрашивает, когда я ем.

Дедушка сердито скажет:

— Не стыдно попрошайке?

И Чембулак от стыда виляет хвостом».

Не знаешь, что будет дальше, но уже интересно. Ритм задан, все три характера намечены, юмор и лирика просвечивают в каждой фразе, лаконизм каким-то образом сочетается с обстоятельностью, чувствуется музыкальная основа рассказа.

Со вкусом изображаются сборы на охоту. Увлекает даже перечень вещей, которые нужно взять с собой: уже по этому перечню, по способу упаковки вещей можно угадать предстоящие приключения.

«— Дедушка, а мы тоже упадем в речку? Дедушка подумал и сказал, что мы тоже можем упасть в речку. Тогда я еще больше захотел на охоту».

Кроме повествовательного сюжета, в книжке «Чембулак» (М.: Детский мир, 1961) ощущается и музыкальная тема:

«Сосна высокая. Она тихонько поскрипывает от ветра. Я смотрю на сосну, и мне кажется, что я плыву и земля плывет, а облака стоят на месте».

У каждого из нас была в жизни такая, впервые и навсегда увиденная сосна. Память о ней живет в глубине нашего сердца и помогает нам, оторвавшись от наших дел, вновь и вновь ощущать красоту природы.

Герой «Чембулака», от лица которого идет рассказ, не просто таежный мальчишка. Маленький читатель легко ставит себя на его место, узнает в нем самого себя.

К хорошим книжкам трудно подойти с привычной «тематической» меркой. Вот, например, книга Г.Снегирева «Пинагор» (М.: Советская Россия, 1961). На первый взгляд она как будто бы «познавательная»: из нее можно многое узнать про странную дальневосточную рыбу, которая из океана переходит в лужу, вьет там гнездо, выводит мальков, охраняет их от всяческих напастей. По, кроме того, это еще и лирическая книжка, воспитывающая нравственное чувство: пинагор изображен в ней как стойкое, деятельное существо, заслуживающее не только интереса, но и привязанности.

А вот книга, которая так и называется — «Про пингвинов» (М.: Советская Россия, 1961). И она действительно от начала до конца посвящена пингвинам, их жизни, их повадкам, их поведению с людьми. Пингвины изображены точно, живо и остроумно. Трудно поверить, что сам писатель не был в Антарктиде и написал свою книжку по рассказам очевидцев.

Но странное дело: чем больше вчитываешься в рассказ, тем сильнее ощущаешь, что речь идет о человеке. Читаешь, например, про пингвина-забияку, что приставал к полярнику: «Я когда за водой ходил, брал с собой половник. Как забияка налетит — я его половником. Он очень половника боялся». И думаешь, какой хороший человек встает перед нами.

«Завыл ветер, поднялась пурга. Ничего вокруг не видно, все занесло снегом. Я пошел прощаться с пингвинами. Пингвинов я не нашел, только остались от них снежные бугорки. Нашел я один бугорок, копнул, смотрю — клюв торчит. Толкнул я тогда второй бугорок. Вдруг бугорок зашевелился и выскочил из него пингвин, закричал, заругался...»

Наступает зима, пингвины засыпают под снегом, а человек, рассказавший о них, остается наедине с суровой природой Антарктиды, он продолжает осваивать ледовый континент.

И по тому, как он видит и слышит, по интонациям его рассказа, мы успели узнать этого человека, деятельного, любознательного, доброго, веселого, умного и простодушного. Лирический герой книжки «Про пингвинов», советский полярник — один из тех взрослых героев, из тех «детских праздников», которых не хватает современной «дошкольной» литературе.

Добрая душа

В сущности, все по-настоящему хорошие книги для дошкольников так или иначе выражают «силу детства» и опираются на нее. Они проникнуты истинным уважением и доверием к ребенку. Ведь ребенок интересен не только тем, что он будущий взрослый, но и сам по себе, он полноправный человек с богатым внутренним миром, способный не только в будущем, когда вырастет, но и сейчас, в неповторимую пору его раннего детства, вносить в окружающую жизнь свою человечность, чистоту, непосредственность, душевное здоровье. Карл Маркс недаром говорил Лафаргу, что дети

должны воспитывать своих родителей. Многие родители (в том числе и автор этих строк) могут подтвердить правоту отнюдь не шутивного высказывания основоположника научного коммунизма.

И в жизни, и в литературе можно найти немало примеров того, какое благотворное влияние (сами того не подозревая) оказывают на взрослых маленькие дети.

Книги и кинофильмы, где современная жизнь и человеческие отношения показаны с точки зрения ребенка и как бы выверяются детским взглядом и детским сердцем, стали в наши дни совершенно необходимой духовной пищей для взрослых читателей и зрителей, они будят добрые мысли и умные чувства. Вспомним хотя бы успех «Сережи», повести Веры Пановой и фильма Сергея Бондарчука.

В повести дружат малыш и взрослый, Сережа и Коростелев. Коростелев подходит к своему пасынку с уважением, педагогическим тактом, осмысленной добротой, и Сережа безотчетно ему покоряется. Казалось бы, вот нормальные и даже идеальные отношения взрослого и ребенка. Но этого, как выясняется в конце книги, мало для того, чтобы человек (большой или маленький) был счастлив. Семья уезжает. Больной Сережа, чтоб не стать обузой на новом месте, должен пока остаться. Коростелев объясняет ему, как равному, что это благоразумное решение. Сережа верит, понимает, старается смириться со своей участью, никому не мешать, никого не огорчать. Герои меняются ролями: в момент отъезда Сережа ведет себя как взрослый, а Коростелев совершает детски безотчетный поступок — берет Сережу с собой. Малыш покорила его, а любимый человек не может быть обузой. У повести действительно счастливый конец, — так обжигает читателя ощущение счастья, охватившее Сережу.

Доброта сильна и способна доставить людям счастье лишь тогда, когда она не только сознательна, но и безотчетна, произвольна. Часто в ребенке воспитывают лишь сознательное начало, а «бессознательное», произвольное не принимают в расчет. Ребенок, мол, должен сознательно помогать взрослым, то есть слушаться, не мешать, не огорчать их дурным поведением и делать посильные для него дела «по хозяйству». Как мало всего этого и для воспитания будущего человека, и для сегодняшнего счастья ребенка!

В повести Э.Цюрупы «Олешек» (М.: Детгиз, 1960), написанной, как мне кажется, не без влияния «Сережи», малыш тоже помогает взрослому. Он помогает больному летчику преодолеть тяжелый недуг, победить смерть. Вот, оказывается, как можно помогать взрослым!

Олешек несет в себе заряд доброты, безотчетной и сознательной, свойственной детям и понятной им. Писательница не скрывает от маленьких читателей сложности мира, дает понятие об истинных человеческих чувствах.

Героя новой книжки Агнии Барто зовут «Вовка — добрая душа» (М.: Детгиз, 1961). Книжка состоит из стихотворений, в каждом из которых герой не «воспитывается», а действует по собственному разумению: приветствует из окна прохожих, деловито сообщает одинокой девочке: «С понедельника с утра будешь ты моя сестра», нянчит и развлекает младенцев на бульваре, выясняет, отчего похудела черепаха, помогает лаять ленивому псу, чтоб того не прогнали со «службы», а придя в сад, где убирают опавшие листья, повелевает ветру сделать эту работу за ребят (и ветер его слушается!). Наконец, этот добряк применяет силу, чтобы «хитрости из Алеши вытрясти».

Характер живой, милый и интересный. Хочется читать про Вовку еще и еще. Впрочем, поэтесса продолжает работу над книжкой. Если Агния Барто напишет ее в полную меру своего таланта, то вполне возможно, что Вовка — добрая душа станет «героем-спутником», выйдя из книги, заживет самостоятельной жизнью в сознании малышек, в их играх и делах. Данные для этого у него уже есть.

Прелесть книг Барто и Цюрупы заключается, между прочим, и в их раскованности, ненавязчивости, в свободе от узкоутилитарных задач, что позволяет писательницам решать задачи более значительные.

Нужен ли тематический подход?

Читая хорошие книжки для малышей, невольно спрашиваешь себя: а нужен ли вообще тематический подход к изданию «дошкольной» литературы, когда «косяками» выпускаются книги на какую-то одну, в данном случае особо полюбившуюся издательствам, тему, как это случилось, например, с книжками-«ревю», «приучающими» ребят к труду?

Лучшие «дошкольные» книжки, как мы видели, нелегко поддаются классификации: «познавательные» при ближайшем рассмотрении оказываются лирическими, нравоучительные — веселыми, а веселые — чуть ли не самыми серьезными. Да и трудовому воспитанию иной раз служат книжки, посвященные совершенно другим вещам, например, жизни пингвинов.

Вот, скажем, книжка Г.Цыферова «Как лягушки чай пили» (М.: Детский мир, 1961). Она состоит из миниатюр, иной раз это одна-две фразы. Казалось бы, как далеки эти изысканные миниатюры от современности, от конкретных задач воспитания сегодняшних детей:

«Вышел звездной ночью гулять ослик. Увидел в небе месяц. Удивился: «А где же другая половинка?» Пошел искать. В кусты заглянул, под лопухами пошарил. Нашел ее в саду, в маленькой лужице. Посмотрел и тронул ножкой — живая».

Между тем книжка Г.Цыферова дает богатую пищу для детского воображения. Книжки такого рода могут стать активным средством эстетического воспитания. Представьте себе хорошо изданную книгу, где на одной странице помещен коротенький рассказ, возбуждающий фантазию ребенка, и написано: «Нарисуй сам», а на другой отличная картинка и надпись: «Сочини сказку по этой картинке». Вместо альбомов «Раскрась сам» с рисунками, похожими на скучные выкройки, могут появиться книжки, написанные и оформленные самими малышами, сотни тысяч таких книжек!

Меня очень порадовал сборник молодого основоположника мансийской литературы Ювана Шесталова «Мы живем на Севере», изданный ленинградским отделением «Дет-гиза». В его стихах звучит подлинная радость детства, радость зимы, игры, беготни и встает перед глазами настоящий Север с «холодным светом северного неба» — полярным сиянием, с его людьми, давно обжившими этот край, с веселым праздником в честь охотника, убившего медведя, когда

...Зверя трогают руками,
Зверю смотрят прямо в пасть.
И снежками, и снежками
Все хотят в него попасть.

Если бы Г.Цыферов и Юван Шесталов не писали по внутреннему побуждению, то именно такие книжки следовало бы им заказать.

В том-то и дело, что так называемой «современной теме» в книжках для малышей не хватает именно конкретности: нечто про кукурузу, или нечто про космос, или кое-что о труде, — часто это вполне устраивает издателей.

Поражают своей неконкретностью, оторванностью от жизни, случайностью многие сочинения «на тему покорения космоса», в которых, как правило, изображается игра в космические полеты. Все это игры, сконструированные авторами, а не наблюдаемые в жизни. Но ведь интереснее всего, как нынешние малыши *на самом деле* играют в космический полет, что они *на самом деле* знают о космосе, о чем они *на самом деле* фантазируют. Рассматривая детские рисунки «про космос», невольно удивляешься бо-гатству и яркости ребячьей фантазии, удивляешься и тому, как все-таки мы, пишущие о детях и для детей, ленивы и нелюбопытны, как мало мы прислушиваемся к детям и опираемся на них.

Какая великолепная книжка может получиться у писателя, который всмотрелся в детские рисунки, подглядит игры маленьких «космонавтов», подслушает их разговоры! Как обрадуются малыши,

получив книжки не о космонавтах вообще, а о конкретных полетах Юрия Гагарина, Германа Титова, Андриана Николаева и Павла Поповича.

Маленький (неполные две страницы) рассказ поразил меня правдивым, точным, доходчивым изображением необычайного полета, остросовременным видением мира.

Стремительное: «Я шибко поднимался кверху». И вот уже герой видит Землю как планету: «Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдруг я заметил, что земля подо мной стала, как чашка. Края были выпуклые, на дне чашки был город».

Точно выражены чувства человека, впервые увидевшего планету со стороны: «Мне веселее и веселее становилось. Весело и легко дышалось и хотелось петь. Я запел...»

Далее кратко и дельно изображены необычный труд небесного путешественника.

И, наконец, приземление. Снова космическое зрелище: «Только как море тумана расстиралось подо мной. Я спустился в туман. Это были тучи... Скоро выглянуло солнце, и я увидел под собою опять чашку земли... Какие-то леса и две синие полосы — реки. Опять мне стало радостно на душе».

«Скоро мне стали видны поля, леса, и у леса деревня, и к деревне идет стадо». Небесный гость приземлился на пашне. Подоспевшие крестьяне (чуть не сказал «колхозники») помогли ему освободиться от летной амуниции. Полет длился три часа, и путешественник сел сравнительно недалеко от места старта...

Кто это? Гагарин? Рассказ о его полете?

Нет, «Рассказ аэронавта», адресованный малышам, написан Львом Толстым задолго даже до возникновения авиации и посвящен всего-навсего полету на воздушном шаре.

Полет — это труд, но труд небывалый: человек оторвался от родной планеты.

И потому герой рассказа — и конкретный аэронавт, и человек вообще. Поэтическая сущность труда, совершаемого для человечества и от имени всех людей, — вот что роднит ощущения толстовского аэронавта с тем, что мы пережили в дни первых космических полетов. Все это, вплоть до мельчайших, но тщательно отобранных и самых существенных деталей, понятно и малышам. Слушая рассказ Толстого, написанный от первого лица, ребенок чувствует себя аэронавтом, летчиком и даже космонавтом.

Автор, обратившись к детям, остался Львом Толстым. Он не изменил философской глубине и художественной правде в угоду какой бы то ни было «дошкольной специфике».

Как хочется, чтобы наши малыши могли услышать и рассказ космонавта, и рассказ строителя или изыскателя, и рассказы агронома, советского врача, приехавшего лечить африканских детей, советского моряка, привезшего продовольствие на Кубу, рассказы обо всем, что интересует детей, обо всем, о чем взрослые, не дожидаясь наших книжек, давно уже рассказывают собственным детям! Жаль, что все это пока остается незаписанными произведениями фольклора.

Точные поиски, дельные, конкретные замыслы — вот что должно заменить неопределенный тематический подход, пассивное ожидание книг на вожделенную, но какую-то весьма расплывчатую «современную тему».

Завороженная свирель

Заканчивая обзор книжек для дошкольников, выпущенных в 1960—1961 годах, я с сожалением должен признаться, что у меня не хватило ни времени, ни сил для того, чтобы подробно поговорить, может быть, о самом главном — о работе художников, полноправных соавторов этих книг или о современной сказке. Обе эти темы заслуживают специального исследования.

Возможности сказки поистине неисчерпаемы, а потребность в ней у маленьких читателей велика и неистребима. Можно было бы разобрать достоинства и некоторые композиционные просчеты «Удивительного путешествия Кука и Кукки» Яна Ларри, сказки, в которой автору удалось весело и интересно рассказать малышам о семилетке, о том, что такое план и какие чудеса творит большая химия. Много можно сказать об отличных сказках ленинградки Н.Павловой, опирающихся на точные научные знания, и новосибирца В.Росина. О чудесной книге Валентина Катаева «Дудочка и кувшинчик». Об умных и свежих сказках Р.Баумволь и Ф.Кривина. О «Лесном докторе» Н.Сидорова, о несколько стилизованных «под Древнюю Русь» изобретательных сказках Евг. Пермяка, о том, как стали живыми сказочными персонажами вертолет (Ю.Яковлев, «Летающий вагон»), автомобиль (Г.Юрмин, «Неумелый грузовик»). И, наконец, о блестящей работе Бориса Заходера, пересказе удивительной книги А.Милна «Винни-Пух и все остальные», успевшей завоевать популярность не только у детей, но и у взрослых. И о его же превосходных переводах из Яна Бжехвы.

А «Тетрадь Володи Лапина»? А первые книжки и первые стихи и рассказы в детской периодике, написанные новыми талантливыми авторами?

Словом, есть о чем говорить! А это значит, что тонус «дошкольной» литературы снова повысился, ее нынешнее развитие внушает большие надежды.

Свой обзор я закончу стихами одного двадцатитрехлетнего поэта. У нас его, пожалуй, долго еще называли бы молодым, делали бы скидки на возраст, растили бы с помощью различного рода комиссий, совещаний, семинаров. Впрочем, это шутка. Ведь речь идет о стихах Пушкина:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны.
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.

Нужно было не только прочитать несколько изданий «От двух до пяти», но и, как говорится, исполниться духом этой книги, чтобы понять, что в строках Пушкина звучит не романтическое преувеличение, а совершеннейшая правда, поэтический образ здесь основывается на точнейшем самоанализе.

В сущности, наши книжки для малышей — всего-навсего участники их игр, говорящие игрушки. Человек вырастает и расстаётся с игрушками: игрушечная машина никогда не вырастет. Но тот смысл, который вкладывался в игрушки, когда в момент самозабвенной игры они оживали, та поэзия, которая их одухотворяла, остаются в сердцах людей на всю жизнь и как-то влияют на их будущие, взрослые дела.

